

Глава 01

Восемь дней назад моя жизнь представляла собой что-то вроде качелей: вверх-вниз, вверх-вниз. В ней было хорошее и не очень, но, по большей части, ничего особенного. Длинные, тягучие периоды затишья, не окрашенного никакими событиями, в которых изредка возникало что-то интересное. Совсем как в армии. Кстати, именно благодаря ей меня и нашли. Ты можешь уволиться из армии, но она никогда о тебе не забывает. По крайней мере, не всегда и не полностью.

Меня начали искать через два дня после того, как какой-то тип попытался убить президента Франции. Я читал об этом в газетах. Он стрелял в Париже из винтовки с очень большого расстояния. Никакого отношения ко мне это не имело. Я находился в шести тысячах миль, в Калифорнии, с девушкой, с которой познакомился в автобусе. Она мечтала стать актрисой. А я – нет. Так что через сорок часов, проведенных нами в Лос-Анджелесе, она отправилась в одну сторону, я – в другую.

Я сел в автобус до Сан-Франциско, провел там пару дней, потом еще три в Портленде, штат Орегон, а дальше был Сиэтл. Таким образом, я оказался совсем рядом с Форт-Льюисом, где вышли две женщины в форме, которые оставили на сиденье через проход от меня вчерашний номер «Арми таймс».

«Арми таймс» – странная газета. Она начала выходить перед Второй мировой войной, но продолжает от недели к неделе становиться все популярнее. В ней полно устаревших новостей и статей с практическими советами и инструкциями, вроде той, что сейчас смотрела прямо на меня: *Новые правила! Значки и знаки различия! Плюс – готовятся еще четыре изменения формы!* Вчерашняя новость, взятая из отчетов консультативной комиссии по административным вопросам, но, если читать между строк, можно уловить отчетливую насмешку. Время от времени передовые статьи бывают весьма смелыми, а некрологи – интересными.

Именно по этой причине я взял газету. Иногда кто-то умирает, и ты искренне радуешься. Или нет. В любом случае неплохо находиться в

курсе событий. Впрочем, до некрологов я так и не добрался, потому что перед ними шли личные объявления, в которых одни ветераны разыскивают других. Их было огромное количество.

Включая то, в котором стояло мое имя.

В самом центре страницы я прочитал шесть слов, обведенных рамкой и напечатанных жирным шрифтом: **Джек Ричер, свяжись с Риком Шумейкером.**

Я не сомневался, что объявление поместил Том О'Дей, и позже почувствовал себя довольно паршиво. Не потому, что О'Дей не отличался большим умом. Как раз наоборот. Впрочем, иначе и быть не могло, потому что он слишком долго оставался в армии. Высокий, худой, невероятно бледный, Том двигался так, что казалось, будто вот-вот рухнет тебе под ноги, точно сломанная стремянка. На генерала он был совсем не похож. Скорее, на профессора или антрополога, потому что с головой он дружил.

Ричер старается не высовываться, а это означает, что он путешествует автобусами или поездами и проводит достаточно времени в залах ожидания и кафетериях, где, случайно или нет, постоянно бывают военные, женщины и мужчины, которые предпочитают «Арми таймс» всем другим изданиям, продающимся в военных магазинах. И уж можно не сомневаться, что они разбрасывают повсюду прочитанные номера, точно птицы семена ягод.

О'Дей знал, что где-нибудь я возьму в руки такую газету, рано или поздно. Обязательно возьму. Потому что я стараюсь быть в курсе новостей. Ты можешь уволиться из армии, но она никогда не забывает о тебе. По крайней мере, не всегда и не полностью. По опыту О'Дей знал, что в качестве средства коммуникации и возможности с кем-то связаться газета дает небольшой, но вполне реальный шанс получить нужный результат, если в течение десяти или двенадцати недель вывешивать в разделе «Личные новости» объявление.

Однако его план сработал быстро, через день после того, как номер увидел свет. Вот почему я почувствовал себя паршиво.

Получалось, что я предсказуем.

Рик Шумейкер служил при О'Дее, наверное, уже стал его заместителем. Я вполне мог проигнорировать объявление, но я был

должником Шумейкера, и О'Дей, который об этом знал, поместил там его имя.

Он не сомневался, что я отзовусь.

Предсказуемо.

* * *

Когда я вышел из автобуса, в Сиэтле было сухо и тепло. И царила довольно напряженная обстановка, в том смысле, что кофе здесь поглощали в огромных количествах, и за это я любил Сиэтл. В каждом заведении имелся Wi-Fi, почти все прохожие держали в руках какое-нибудь электронное устройство, и старомодные, обычно стоящие на углах телефонные будки стали такой редкостью, что мне удалось найти телефон-автомат только возле рыбного рынка. Я зашел внутрь и, окутанный соленым морским бризом и запахом рыбы, набрал бесплатный номер в Пентагоне. Вы не найдете его ни в одном из справочников, я же выучил наизусть много лет назад. Это была особая линия, только для срочных звонков, на случай, если у тебя нет в кармане четвертака.

Мне ответил оператор, я попросил соединить меня с Шумейкером, мой звонок перевели куда-то в другое место здания или страны, а может, мира. В трубке довольно долго раздавались щелчки и шипение, но в конце концов я услышал голос Шумейкера.

– Да?

– Джек Ричер, – сказал я.

– Ты где?

– Разве у вас нет приборов, чтобы определить мое местонахождение?

– Есть, конечно, – ответил он. – Ты в Сиэтле, в телефоне-автомате около рыбного рынка. Но мы предпочитаем, чтобы люди сами и добровольно давали нам подобную информацию, разговор получается проще. Потому что в таком случае они уже сотрудничают с нами. Иными словами, заинтересованы.

– В чем?

– В разговоре.

– А у нас разговор?

– Не совсем. Что ты видишь прямо перед собой?

Я посмотрел.

- Улицу.
- Слева?
- Прилавки с рыбой.
- Справа?
- Кафетерий на противоположной стороне.
- Название?
- Я ответил.
- Иди туда и жди.
- Чего?
- Примерно полчаса, – сказал он и повесил трубку.

* * *

В действительности никто не знает, почему в Сиэтле такое огромное значение придают кофе. Это порт, и, возможно, разумно обжаривать кофе там, куда он прибыл, а затем продавать рядом с местами, где обжаривали. Таким образом родился рынок, который привел сюда других продавцов, так же как все машины рано или поздно оказываются в Детройте. Или же здесь правильная вода, а может, подходящая высота над уровнем моря, температура воздуха и влажность. В общем, тут в каждом квартале можно найти кафе. То, что находилось на противоположной стороне улицы, оказалось типичным представителем подобных заведений: темно-бордовая краска, стены из кирпича, поцарапанное дерево и меню, написанное мелом на доске и на девяносто процентов состоящее из наименований, на самом деле не имевших ни малейшего отношения к кофе. Например, самые разные молочные продукты, включая мороженое, и довольно странные ореховые ароматизаторы и добавки. Я взял простой кофе, черный, без сахара, в среднем стакане навынос, а не в громадном ведре, какие обожают дураки, кусок лимонного пирога и сел на жесткую деревянную скамью за столик на двоих.

Пирога хватило на пять минут, кофе – еще на пять, через восемнадцать появился посланник Шумейкера. Я понял, что он служит в военно-морских силах, потому что двадцать минут – это совсем немного, а их база находится в Сиэтле. Кроме того, он приехал в темно-синем отечественном седане из тех, что не пользуются особой популярностью, но таком чистом, что он сверкал как новенький. Самому посланнику было около сорока, но я отметил про себя, что он

в отличной форме. Этот тип явился в гражданской одежде – голубой рубашке, которую стирали примерно тысячу раз, голубом блейзере, таком поношенном, что тот почти просвечивал, и брюках цвета хаки. Видимо, первый главный старшина, отряд специального назначения, скорее всего, спецназ ВМС. Вне всякого сомнения, он принимал участие в какой-то засекреченной совместной операции под руководством Тома О’Дея.

Посланник Шумейкера вошел в кафе и окинул взглядом сразу всех посетителей, как будто у него была доля секунды, чтобы отыскать здесь друга или врага, прежде чем начать стрелять. Не вызвало сомнений, что он получил инструкции устно, без деталей, основанных на сведениях из моего старого личного дела. Он вычислил меня почти мгновенно, поскольку все остальные были азиатами, главным образом миниатюрными женщинами, подошел прямо ко мне и спросил:

- Майор Ричер?
 - Больше нет, – ответил я.
 - В таком случае мистер Ричер?
 - Да, – сказал я.
 - Сэр, генерал Шумейкер попросил вас проследовать со мной.
 - Куда? – поинтересовался я.
 - Здесь недалеко.
 - Сколько звезд?
 - Я вас не понимаю, сэр.
 - У генерала Шумейкера?
 - Одна. Бригадный генерал Ричард Шумейкер, сэр.
 - Когда?
 - Что?
 - Когда он получил повышение?
 - Два года назад.
 - Вы так же, как и я, считаете, что это весьма необычно?
- Мой собеседник помолчал секунду.
- У меня нет мнения на сей счет, сэр.
 - А как поживает генерал О’Дей?
- Он еще немного помолчал.
- Я не знаю никого по имени О’Дей, сэр.

* * *

Синяя машина оказалась «Шевроле Импала» с колесами как на полицейских автомобилях и тканевыми сиденьями. Я обнаружил, что сверкала она оттого, что ее совсем недавно покрасили. Посланник Шумейкера проехал по центральным улицам и по I-5 направился на юг, по маршруту автобуса, из которого я недавно вышел. Мы снова миновали аэродром для «Боингов», аэропорт Сиэтл-Такома и покатали в сторону Такомы. Мой спутник молчал, я тоже. Мы оба вели себя так, будто решили посоревноваться, кто дольше сумеет не открывать рот, и каждый из нас намеревался одержать победу. Я сидел и смотрел в окно – на зеленые холмы, зеленое море и зеленые деревья.

Мы проехали через Такому, и машина сбросила скорость чуть дальше того места, где женщина в форме, оставившая на сиденье газету, вышла из автобуса. Мы свернули туда же. Судя по указателям, впереди ничего особенного не было, если не считать трех маленьких городков и большой военной базы. Я решил, что, скорее всего, нашей целью является Форт-Льюис. Но оказалось, что я ошибся. Впрочем, строго говоря, нет, если судить по тому, что было раньше. На самом деле мы направлялись на бывшую базу военно-воздушных сил «Маккорд», которая теперь представляла собой алюминиевую половину объединенной базы «Льюис-Маккорд». Реформы. Политики готовы на все, чтобы сэкономить пару баксов.

Я ожидал, что нас будут муржить у ворот, потому что они принадлежали армии и военно-воздушным силам одновременно, мой водитель и его машина имели непосредственное отношение к военноморским силам, а я и вовсе был никем. В общем, в нашей компании не хватало только морской пехоты и представителя ООН.

Но оказалось, что О’Дей наделен такой неограниченной властью, что мы промчались в ворота, даже не притормозив, свернули направо, часовой у вторых ворот махнул рукой, и машина выкатилась на взлетную полосу, казавшуюся крошечной, точно мышка в лесу, из-за стоявших на ней транспортных самолетов «С-17». Мы проехали под гигантским серым крылом и направились по пустой заасфальтированной полосе к одинокому белому самолетику, явно служебному, для деловых поездок. Скорее всего, «Лирджет», или «Гольфстрим», или что там покупают в наше время богачи. Краска на его боках мерцала на солнце, но, если не считать номера на хвосте, я не заметил никаких надписей – ни

названия, ни логотипа. Пропеллеры медленно вращались, трап был спущен.

Посланник в блейзере сделал четкий полукруг и остановил машину так, что дверца с моей стороны оказалась примерно в ярде от первой ступеньки трапа. Я решил, что это намек, выбрался наружу и пару мгновений постоял, наслаждаясь солнцем. Весна уже полностью вступила в свои права, и погода была прекрасной. Машина, которая привезла меня, тут же уехала, и наверху трапа в овальном проеме появился стюард.

– Поднимайтесь, пожалуйста, сэр, – сказал он.

Ступеньки слегка прогибались под моим весом, но я добрался до верха и нырнул в кабину. Стюард отступил и встал справа от меня; слева втиснулся еще один тип в военной форме, который вышел из кабины.

– Добро пожаловать на борт, сэр, – сказал он. – Сегодня наш экипаж состоит из представителей военно-воздушных сил, так что вы и заметить не успеете, как окажетесь на месте.

– И где я окажусь? – спросил я.

– В месте назначения.

Пилот в военной форме снова с трудом уселся на свое место, рядом со вторым пилотом, и занялся приборами. Я последовал за стюардом и оказался в салоне, отделанном панелями из орехового дерева, с креслами из желто-коричневой кожи. Я был единственным пассажиром, так что мог выбирать место. Стюард поднял трап, закрыл дверь на замок и уселся на откидном стуле за спиной у пилотов. Через тридцать секунд мы взлетели и начали стремительно набирать высоту.

Глава 02

По моим прикидкам, мы летели на восток от «Маккорда». Впрочем, особого выбора не было. На западе находились Россия, Япония и Китай, и я сомневался, что такой маленький самолетик сумеет туда добраться. Я спросил у стюарда, куда мы направляемся, и он ответил, что не видел полетного листа. Я был уверен, что он врет, но не стал на него давить. Он оказался весьма разговорчивым – на любые другие темы. Например, сообщил мне, что это «Гольфстрим IV», конфискованный у нечистого на руку хеджевого фонда в результате федерального расследования; самолет передали военно-воздушным силам для использования высшим командованием. И следует заметить, что им очень повезло – аппарат просто потрясающий. Тихий, надежный, а кресла просто феерические! У них миллион самых разных функций и возможностей. На бортовой кухне есть настоящая кофеварка, и пассажиры в любой момент могут получить кофе.

Я попросил стюарда включить ее, но сказал, что наливать себе кофе я буду сам. Ему это понравилось – видимо, он посчитал мои слова знаком уважения. Я не сомневался, что на самом деле он не стюард, а что-то вроде телохранителя для сопровождения высокопоставленных пассажиров, и было очевидно, что он гордится своей работой, потому что она свидетельствует о том, какой он крутой.

Я смотрел в окно, сначала на Скалистые горы с темно-зелеными деревьями у подножия и ослепительно-белыми шапками на вершинах; дальше начались коричневые поля, похожие на крошечные фрагменты мозаики, их вспахивали, засеивали, потом собирали урожай, снова и снова, несмотря на то что дождей здесь бывало не так чтобы очень много. Глядя на пейзаж внизу, я понял, что мы срезали угол Северной Дакоты, затем увидел кусочек Небраски, и вот мы уже в Айове. Принимая во внимание сложные геометрические составляющие полета на большой высоте, это означало, что мы направляемся куда-то на юг. По большому кругу, что выглядело бы довольно странно на бумаге, но нормально для сферической планеты. Мы направлялись в Кентукки или Теннесси, возможно, в Южную или Северную Каролину или даже в Джорджию.

Под тихое жужжание двигателей мы летели к цели нашего путешествия, и я успел выпить два кувшина кофе, когда земля стала немного ближе. Сначала я подумал, что это Вирджиния, но потом сообразил, что мы в Северной Каролине. Вскоре я увидел два города, не иначе как Винстон-Салем и Гринсборо, но они остались слева и начали постепенно уменьшаться в размерах. Получалось, что мы направляемся на юго-восток. До самого Фейетвилля я не сумел заметить ни одного города; впрочем, еще раньше появился Форт-Брэгг, в котором находится штаб войск особого назначения и который является естественным местом обитания О’Дея.

И снова я ошибся. Или нет – технически, но только в том, что касалось названия. Мы приземлились в темноте, потому что уже наступил вечер, на базе военно-воздушных сил «Поуп», которая теперь находилась в ведении армии и стала называться просто аэродром Поуп и являлась крошечной частью громадного Форт-Брэгга. Снова реформы. Политики готовы на все, чтобы сэкономить пару баксов.

Мы довольно долго катили по посадочной полосе, такой громадной, что она могла вместить целую эскадру, и наконец остановились около маленького административного здания с вывеской, гласившей: «47-е логистическое подразделение, командный пункт боевого содействия». Двигатели перестали шуметь, стюард открыл дверь и спустил трап.

– Какая дверь? – спросил я.

– Красная, – ответил он.

Я спустился по трапу, прошел вперед в темноте и обнаружил только одну красную дверь, которая открылась, когда я находился в шести футах, и из нее вышла молодая женщина в черной юбке, темных колготках и дорогих туфлях. Очень молодая женщина, судя по всему, немногим больше двадцати, светлые волосы, зеленые глаза и лицо в форме сердечка, осветившееся теплой улыбкой.

– Я Кейси Найс, – сказала она.

– Кейси как? – переспросил я.

– Найс.

– Джек Ричер.

– Знаю. Я работаю на Государственный департамент.

– В округе Колумбия?

– Нет, здесь, – сказала она.

Что было вполне понятно. Отряд специального назначения представлял собой военное подразделение ЦРУ, которое, в свою очередь, тесно сотрудничало с Госдепом, и некоторые решения требовали присутствия на доске всех трех фигур. Поэтому, несмотря на очевидную молодость, Кейси Найс находилась на базе. Возможно, она гений в вопросах политики, что-то вроде вундеркинда.

– Шумейкер тут? – спросил я.

– Давайте зайдем внутрь.

Она провела меня в маленькую комнатку с окном из армированного стекла и тремя разными стульями, которые выглядели как-то печально и одиноко.

– Давайте присядем, – сказала Кейси Найс.

– Зачем меня сюда привезли? – спросил я.

– Прежде всего, вам следует знать, что все услышанное вами здесь является сверхсекретной информацией и за разглашение вас ждет чрезвычайно суровое наказание.

– А с какой стати вы решили доверить мне подобную информацию? Вы не встречали меня раньше и ничего обо мне не знаете.

– Мы изучили ваше личное дело. У вас есть доступ к секретным материалам, который никто не отменял, так что вы связаны его условиями.

– Я могу уйти?

– Мы бы предпочли, чтобы вы остались.

– Зачем?

– Мы хотим с вами поговорить.

– Государственный департамент?

– Вы принимаете условие касательно секретной информации?

Я кивнул.

– Что нужно от меня Государственному департаменту?

– У нас имеются определенные обязательства.

– Относительно чего?

– Кто-то стрелял в президента Франции.

– В Париже.

– Французы попросили помощи в поимке преступника.

– Это не я, я был в Лос-Анджелесе.

– Мы знаем, что не вы. Вас нет в списке.

– А что, имеется список?

Не ответив на мой вопрос, она засунула руку между пиджаком и блузкой и достала сложенный листок бумаги, который протянула мне. Листок был теплым и слегка мятым. Оказалось, что это не список, а отчет из нашего посольства в Париже, содержащий основные факты. Скорее всего, его составил откомандированный туда представитель ЦРУ.

Расстояние, с которого был сделан выстрел, поражало воображение. Удалось выяснить, что преступник находился на балконе жилого дома, в тысяче четырехстах ярдах от цели, а это больше трех четвертей мили. Французский президент стоял на подиуме на открытом воздухе, защищенный толстым пуленепробиваемым стеклом из какого-то нового, усиленного материала. Никто, кроме самого президента, не видел выстрела. Он заметил вспышку, очень далеко, крошечную, где-то наверху и слева; затем примерно через три секунды на стекле появилась маленькая белая звездочка, как будто на него село бледное насекомое. В общем, выстрел с невероятно большого расстояния. Однако стекло выдержало, ударившая в него вторая пуля вызвала мгновенную реакцию, и президент оказался под телами охранников. Позже по обнаруженным фрагментам удалось выяснить, что это бронебойная пуля калибра.50.

– Меня нет в списке, потому что я не настолько хорошо стреляю, – сказал я. – Тысяча четыреста ярдов – это много, учитывая, что преступник целился в голову. Пуля находилась в воздухе целых три секунды – все равно что бросить камень в очень глубокий колодец.

– У нас короткий список, – кивнув, сказала Кейси Найс. – Именно по этой причине французы так обеспокоены.

Однако не вызывало сомнений, что они забеспокоились не сразу. В отчете говорилось, что они потратили первые двадцать четыре часа, поздравляя друг друга с тем, что так классно организовали защиту президента и что у них есть потрясающее пуленепробиваемое стекло. И только потом сообразили, что произошло, взялись за телефоны и принялись звонить в другие страны. Кто может знать такого отличного снайпера?

– Вот дерьмо, – выругался я.

– В какой части? – спросила Кейси Найс.

– Вам плевать на французов. Ну, не до такой степени они вас занимают. Возможно, вы пощелкали бы языком и поручили парочке студентов написать на эту тему курсовую работу. Но отчет попал на стол Тома О’Дея, может, всего на пять секунд, и дело сразу стало важным. Через двадцать восемь минут вы напустили на меня спецназ и доставили через весь континент на личном самолете сюда. Я не сомневаюсь, что спецназ и самолет находились в полной боевой готовности, но мне также очевидно, что вы не знали, где меня искать или когда я позвоню. Значит, в вашем распоряжении имелись несколько отрядов спецназа и несколько самолетов в разных местах, по всей стране, готовых начать действовать в любой момент, днем или ночью. На всякий случай. И если вам понадобился я, значит, и другие тоже. Что-то вроде массированного наступления.

– Ситуация заметно осложнится, если окажется, что стрелок – американец.

– Интересно знать почему.

– Мы надеемся, что это не так.

– Что я могу сделать для вас такого, что за мной стоило посылать личный реактивный самолет?

В этот момент в кармане у Кейси Найс зазвонил телефон, она достала его, послушала и убрала назад.

– Генерал О’Дей все объяснит. Он готов вас принять.

Глава 03

Кейси Найс подвела меня к комнате одним этажом выше. Само здание выглядело потрепанным, а его содержимое – каким-то временным. И я не сомневался, что так оно и есть на самом деле. О’Дей постоянно переезжал с места на место, месяц тут, месяц там, и работал в незаметных и не привлекающих внимания помещениях с ничего не значащими вывесками вроде «47-е логистическое подразделение, командный пункт боевого содействия» – на случай, если кто-то отслеживает его передвижения. Или *потому, что* кто-то их отслеживает. О’Дей далеко не новичок и прослужил в армии много лет.

Он сидел за столом, Шумейкер – на стуле перед ним, как и подобает хорошему заместителю. Шумейкер постарел на двадцать лет, чего следовало ожидать, потому что последний раз я его видел двадцать лет назад. А еще прибавил в весе, а песочного цвета волосы обрели серый оттенок. Он был в камуфляжной форме, на которой горделиво красовалась звезда.

Зато О’Дей совсем не постарел и по-прежнему выглядел лет на сто. Одет он был, как всегда, в выцветший черный пиджак, черный же свитер, который латали столько раз, что на нем уже не осталось живого места, из чего я сделал вывод, что миссис О’Дей жива и в полном порядке, потому что я не мог представить, чтобы кто-то другой взял в руки иглу и стал чинить его вещи.

Тихонько причмокивая, он посмотрел на меня ничего не выражающими глазами под нависшими веками и сказал:

– Рад тебя видеть, Ричер.

– Вам повезло, что у меня не оказалось срочных дел, – ответил я, – иначе я подал бы жалобу.

Он мне не ответил, и я сел на металлический стул, явно прежде принадлежавший военно-морским силам. Кейси Найс заняла второй такой же рядом со мной.

– Она сказала тебе, что это государственная тайна? – спросил О’Дей.

– Да, – ответил я, а Кейси Найс, сидевшая рядом со мной, принялась энергично кивать, словно хотела показать, что выполнила приказ до последней буквы; О’Дей всегда производил именно такое действие на людей.

– Отчет видел? – спросил он у меня.

– Да, – сказал я, и Кейси снова принялась быстро кивать.

– И какие ты сделал выводы?

– Очень хороший стрелок, – ответил я.

– Я тоже так считаю, – согласился со мной О’Дей. – Иначе он не попал бы в защитное стекло с расстояния в тысячу четыреста ярдов.

Очень характерное для О’Дея заявление. В колледжах такие называют сократовскими. Точно маятник, вперед и назад, туда-сюда, с целью извлечь наружу правду, которая доподлинно известна каждому разумному существу на планете.

– Это был не один гарантированный выстрел, а два, – сказал я. – Первый – чтобы разбить стекло, второй – прикончить цель. Первая пуля всегда расплющивается или, в лучшем случае, уйдет в сторону. Но он был готов выстрелить еще раз, если стекло не выдержит. Решение «да» или «нет», которое нужно принять за считанные доли секунды. Выстрелить снова или уйти. И это производит впечатление. Пуля бронебойная?

О’Дей кивнул.

– Мы поместили фрагменты в газовый хроматограф.

– А у нас есть такое стекло для нашего президента?

– К завтрашнему дню будет.

– Пятидесятый калибр?

– Эксперты собрали достаточно осколков, которые говорят, что, скорее всего, так.

– И это делает выстрел еще более впечатляющим, учитывая, из какой мощной винтовки он стрелял.

– Известны случаи, когда такая винтовка поражала цель с расстояния в милю. Однажды, в Афганистане, – полторы мили. Так что, возможно, в тысяче четырехстах ярдах нет ничего особенного.

Сократ.

– Я думаю, что попасть дважды с расстояния в тысячу четыреста ярдов труднее, чем один раз с расстояния в милю. Вопрос стабильности. У этого парня настоящий талант.

– Согласен, – сказал О’Дей. – Как ты думаешь, может быть, он где-нибудь служил?

– Конечно, служил. Другого способа научиться так стрелять я не знаю.

– А как по-твоему, он еще служит?

– Нет. В противном случае он не имел бы свободы передвижения.

– Согласен.

– А мы уверены, что его кто-то нанял? – спросил я.

– Насколько высока вероятность того, что какой-нибудь человек, обиженный на президента, когда-то был первоклассным снайпером? Скорее, недовольный гражданин Франции решил потратить немного денег, чтобы заказать президента. Или группа недовольных граждан. Иными словами, какая-то фракция, что означает более серьезные материальные возможности.

– А почему мы этим занимаемся? Ведь стреляли во француза.

– Пуля американского производства.

– Откуда это известно?

– Хроматограф. Несколько лет назад было заключено соглашение, о котором особенно не болтали. Точнее, совсем не болтали. Каждый производитель использует сплав, немного отличающийся от остальных, – что-то вроде личной подписи.

– В мире очень многие покупают у нас оружие.

– Наш убийца – новичок, Ричер. До сих пор мы ничего подобного не слышали. Это его первый заказ, и он решил сделать себе имя. Произвести два выстрела быстро, один за другим, из пушки пятидесятого калибра, с расстояния тысяча четыреста ярдов – задача не из простых. Он прекрасно понимал, что, если у него получится, он до конца жизни будет находиться в высшей лиге. Если же промахнется, то останется в дилетантах, и тоже навсегда. Слишком большой риск и слишком высокие ставки. Однако он все равно выстрелил. Значит, *знал*, что попадет в цель. Должен был знать. Совершенно точно, два выстрела с расстояния тысяча четыреста ярдов, полностью уверенный в себе человек. Сколько мы знаем таких же отличных снайперов?

Это был очень хороший вопрос, и я ответил:

– Честно? Для нас? Такой гениальный снайпер? Думаю, если в каждом поколении тех, кто служит в спецназах и морской пехоте, будет хотя бы один, нам очень повезет. И два в армии. Иными словами,

пятеро на службе в вооруженных силах в каждый данный период времени.

– Но ты же согласился, что он не служит в армии.

– Сюда следует прибавить еще пятерых из предыдущего поколения, которые не слишком давно ушли в отставку, достаточно старые, чтобы уволиться из армии, но не настолько, чтобы перестать функционировать. Именно такого человека нам нужно искать.

– Значит, ты считаешь, что наш убийца из предыдущего поколения гениальных снайперов?

– Не вижу других кандидатур.

– Сколько серьезных стран следует рассматривать?

– Возможно, пять.

– Получается, примерно пять подходящих кандидатов в пяти странах, итого двадцать пять стрелков. Согласен?

– Примерно.

– На самом деле точно. Разведкам мира известны имена двадцати пяти элитных снайперов, которые сейчас находятся в отставке. Как ты думаешь, правительства стран, в которых они живут, присматривают за ними?

– Уверен.

– Таким образом, у скольких имеется непробиваемое алиби на данный конкретный день?

– Учитывая, что за такими людьми внимательно следят, двадцать? – предположил я.

– Двадцать один, – сказал О’Дей. – У нас четыре кандидата на роль нашего убийцы. И тут возникает дипломатическая проблема. Мы, как четыре человека в комнате, которые сидят и смотрят друг на друга. Мне совсем не нужно, чтобы та пуля оказалась американской.

– Иными словами, у одного из наших парней нет алиби.

– По поводу его алиби возникли вопросы.

– Кто?

– Скольких отличных снайперов ты знаешь?

– Ни одного, – ответил я. – Я не общаюсь со снайперами.

– А скольких знал во время службы?

– Одного, – сказал я. – Но это точно не он.

– Почему ты так уверен?

– Потому что он в тюрьме.

- И откуда информация?
- Я сам его «закрыл».
- Он получил пятнадцать лет, так?
- Насколько я помню, да, – ответил я.
- Когда?

Снова Сократ. Я принялся подсчитывать в уме. Много лет, и много воды утекло с тех пор. Куча разных мест и людей.

- Вот дерьмо, – выругался я, и О’Дей кивнул.
- Шестнадцать лет назад, – сказал он. – Правда, время летит быстро, когда живешь в свое удовольствие.
- Он уже вышел?
- Год назад.
- И где он сейчас?
- Не дома.

Глава 04

Джон Котт был старшим сыном чешских эмигрантов, которые бежали от коммунистического режима и поселились в Арканзасе. В нем присутствовала некая жесткость, присущая не только тем, кто жил за «железным занавесом», но и большинству жителей Арканзаса, так что он вырос, как один из них. Если не считать имени и высоких скул, он вполне мог быть чьим-нибудь кузеном и вести свою родословную от тех, кто приехал сюда лет сто назад. В шестнадцать Котт попадал в белку, сидящую на дереве, с такого расстояния, что многие даже ее не видели. В семнадцать убил своих родителей. Точнее, местный шериф так считал. Неоспоримых доказательств его вины не было, зато имелось огромное количество подозрительных фактов. Однако все это отошло на задний план, когда через год его призвали в армию.

Несмотря на то что Котт был худым и жилистым, он отличался поразительным спокойствием, мог замедлить свой пульс до тридцати ударов в минуту и много часов пролежать совершенно неподвижно. Кроме того, он обладал сверхчеловечески острым зрением, иными словами, был прирожденным снайпером. После того как он закончил ряд специальных курсов, его напрямую отправили в отряд «Дельта». Там он без усталости трудился, развивая свой талант, и в конце концов стал звездой и принимал участие в сверхсекретных операциях.

Но грань между той частью его сознания, что была сосредоточена на очередном задании, и той, которая отвечала за моменты, когда он отдыхал, оказалась не такой уж прочной – и это совсем не характерно для солдата из спецподразделения. Чтобы убить человека с расстояния в тысячу ярдов, требуется больше чем просто талант и физическая подготовка. Для этого нужно своего рода разрешение глубинной и древней части мозга, где фундаментальные запреты либо очень сильны, либо наоборот. Стрелок должен по-настоящему, искренне верить: *Все в порядке. Это твой враг. Ты лучше его. Ты самый лучший в мире. И каждый, кто бросает тебе вызов, заслуживает смерти.* У большинства снайперов есть что-то вроде выключателя, однако у Котта он срабатывал не до конца и не всегда.

Я познакомился с ним через три недели после того, как мы обнаружили армейского сержанта из отряда рейнджеров с перерезанным горлом среди сорняков за баром в Колумбии, Южная Америка. В этом баре любили проводить время парни из спецподразделений, выполнявших задания ЦРУ. Обычно они заходили туда, чтобы отдохнуть и расслабиться, когда не бегали по джунглям, отстреливая членов наркокартелей. Таким образом, круг подозреваемых был очень маленьким и неразговорчивым.

В то время я служил в 99-м подразделении военной полиции, и мне поручили найти убийцу. Но только потому, что погибший являлся американцем и служил в армии. Если б речь шла о каком-нибудь местном гражданском лице, Пентагон пальцем не пошевелил бы.

Никто ничего не говорил, но между строк читалось многое. Я знал, кто находился в баре, и попросил всех описать тот вечер. И они мне кое-что поведали. А я уже нарисовал всю картину полностью. Один парень делал это, другой – то. Один ушел в одиннадцать, другой в полночь. Второй сидел рядом с первым, который пил ром, а не пиво. И так далее и тому подобное. В конце концов у меня сложилось четкое представление о случившемся, я проверял свои выводы снова и снова, пока не убедился в том, что не ошибся.

Только вот Котт представлял собой дыру в пространстве. О нем почти никто ничего не сказал. Ни где он сидел, ни что делал или с кем разговаривал. В общем, о нем предпочитали помалкивать. Причин могло быть несколько; например – и это было вполне возможно, – несмотря на то что парни из его подразделения не собирались его сдавать, в их намерения не входило его прикрывать. Своего рода этика. Или отсутствие воображения. В любом случае мудрое решение. Вранье рано или поздно выходит наружу, так что лучше не болтать лишнего. Взять хотя бы – существует же такая вероятность, пусть и гипотетическая – длинную яростную ссору с убитым сержантом, которая могла привести... ни к чему такому. Всего лишь дыра в пространстве.

Улики были слабоваты, зато куча предположений, а также звездный игрок и секретная операция. Следует отдать должное армейскому начальству, оно не отмахнулось от дела, но совершенно справедливо заявило, что без признания Котта мы будем топтаться на месте.

И они позволили мне вызвать его на допрос.

Когда задаешь вопросы, главное – уметь слушать ответы, а я слушал Котта очень долго, прежде чем пришел к выводу, что в глубине души он до предела высокомерен. И столь же жесток. И для него эти вещи связаны напрямую. Дерьмо вроде: «Каждый, кто бросает тебе вызов, достоин смерти» – работает на поле боя, а не в реальной жизни.

Однако я знал подобных ему людей всю свою жизнь. И сам являлся продуктом этой философии. Они жаждут тебе все рассказать, хотят, чтобы ты понял и одобрил то, что они сделали.

И хотя дурацкие и не имеющие особого значения правила в определенный момент технически против них, они важнее всяких там глупостей. Ведь так?

Я позволил ему говорить, а потом вроде как поддержал и вынудил признать, что он разговаривал с убитым сержантом. Дальше все покатило под горку, хотя лучше сказать, понеслось вверх по склону. Получилось, будто ты поднес спичку к конфорке под чайником или накачиваешь велосипедную шину.

Через два часа Котт подписал длинный и подробный протокол допроса. Убитый назвал его киской. Это было главным. А потом – обычная трепотня, которая вышла из-под контроля. Он не мог не ответить. Некоторые вещи нельзя оставлять безнаказанными. Ведь так?

Благодаря тому, что он являлся звездой, а операция была секретной, следствие согласилось пойти на сделку. Убийство второй степени и пятнадцать лет. Меня это вполне устраивало. Поскольку трибунала не было, мне удалось урвать недельку на Фиджи, где я познакомился с девушкой из Австралии, которую помню до сих пор. Так что спорить и жаловаться я не собирался.

– Нам не следует делать преждевременных выводов, не подтвержденных фактами, – сказал О’Дей. – Возможно, после выхода из тюрьмы он ни разу не посмотрел в сторону оружия, мы этого не знаем.

– Но он есть в списке?

– Должен быть.

– И каковы шансы, что это он?

– Очевидно, один к четырем.

– Вы готовы поспорить, что это так, на деньги?